

С УСТИНОВЫМ В БАНЕ

А вообще-то перспективы столкновений с законом тогда не пугали. Казалось, случись что — всё разрешится само собой: мы же «Песняры»... При этом я сам отвечал за дисциплину... Так что своей беспечности теперь могу только удивляться. Но когда ты молодой, заводной, известный на весь Советский Союз да ещё и с деньгами... Бывало, резвишься без меры. Да и кайфов хватало таких, перед которыми не устоишь. Та же база ансамбля в Доме офицеров ВИЗРУ/ВИРТУ — лес вокруг, птички поют, покой, никаких филармоний рядом. И огромный бассейн, где не раз встречались в весёлых компаниях. Ну а баня — баня просто колоссальная, причём с уникальным банщиком, который не упустил шанса вернуть свои пять копеек: мол, за лёгкий пар для министра обороны Советского Союза Дмитрия Устинова его премировали и в отпуск внеплановый отпускали. Не зря, между прочим: не дадут соврать ни наши пацаны, ни Владимир Казимирчук, начальник прекрасного заведения, где была и «точка» «Песняров», и знаменитая парилка. Может, парок и виноват, что застряли мы в том Доме офицеров надолго — пока Казимирчук командовал им. Календарно-обрядовые песни, Бёрнс,

Фрагменты кипучей «партийной» работы беспартийного Влада Мисевича в Доме офицеров ВИЗРУ, 1981 год. Рядом с Мулявиным (справа) — начальник Дома офицеров подполковник Владимир Казимирчук и министр культуры БССР Юрий Михневич. Это был концерт в рамках шефской работы, а такие обязательно сопровождались говорильней

Купала, «Через всю войну» — всё рождалось там. А со временем стали вести Дом офицеров по схеме московского Госплана: каждую новую программу обкатывали здесь. Однажды даже вытащили на такой концерт министра культуры БССР Юрия Михневича — как раз в его непростых отношениях с «Песнярами» наступило очередное потепление. Помню, сначала заседали, беседами о культуре военных мучили, а потом — концерт.

РАБОТАЛИ ЗА ДВЕ БУТЫЛКИ ВОДКИ

Сильно по нам ударил приказ очередного министра культуры СССР (кто это был — и не вспомню), когда в 1980-х вокально-инструментальные ансамбли перенесли из камерной отрасли, куда нас определили в своё время ради большей оплаты, в тарификацию по эстраде. В результате этой формальности за концерт причиталось уже по двадцать рублей на нос. Измеряем в самой устойчивой валюте — водке. Когда мы получали тридцать три и шестьдесят шесть, хорошая водка, как и армянский коньяк, стоила четыре рубля двенадцать копеек за бутылку, а при двадцатирублёвой ставке в 1980-х дошла (и надолго) до червонца. То есть с восьми до пятнадцати и снова восьми бутылок за концерт мы докатились до двух! Тогда возникал вопрос: а зачем «Песнярам» работать с прибылью да ещё и на износ? К счастью, недовольство не успело вспыхнуть. Тогда всё совпало: в Госконцерте нам стали предлагать сразу и много зарубежных командировок — Южная Америка, Африка, Азия, военные части в ГДР. Читай: шмотки, техника и экзотические впечатления. Естественно, мы и не думали отказываться.

МУЛЯВИН ОТКАЗАЛСЯ ОТ КООПЕРАТИВОВ ПО ПЯТЬСОТ РУБЛЕЙ ЗА ВЕЧЕР

А во второй половине 1980-х наши представления взорвали кооперативы. Мы и раньше знали: москвичи-администраторы не боятся нового, тем более тут всё законно и от филармонии можно не отрываться. За кооперативы особенно ратовал уже обосновавшийся в Москве Шурик Демешко. Он навёл все мосты и насел на Мулявина: давай работать так. Володя тянул, колебался. Тем временем Шурик отпросился с концертов ансамбля (ударников двое, и Вова Беляев справлялся с программой) и уехал на кооперативную стадионную «солянку» в Куйбышев. Программа у него была, конечно, «забойная»: «Забалела ты, мая галованька», «Чарачка» и барабанное соло. Но Шурик наколотил себе за вечер пятьсот рублей — при двадцатито рублях за концерт в «Песнярах» через филармонию! Этот аргумент показался убедительным для всего ансамбля, но на Мулявина повлиял лишь отчасти. Да, мы поработали немного через коопера-

тивы, но деньги мешками не гребли. На полный переход в коммерцию Володя так и не решился. Тем более тогда, в конце 1980-х, замаячила идея со статусом «государственный» для ансамбля. Казалось, вот оно, спасение, — а теперь понятно: стратегическая ошибка. Хотя логика в решении Мулявина (не без влияния его жены Светланы Пенкиной) присутствовала: мы помогали государству, принесли прибыль почти двадцать лет и хотели получить возможность делать своё дело в приемлемых условиях. Но государство ярмо надеть надело — и перестало замечать «Песняров» с их проблемами. Результат все знают. С другой стороны, стратег Мулявин словно предвидел скорый крах кооперативов и не стал влезать в эту гонку за длинным рублём...

«БОРЦОМ ЗА ДИСЦИПЛИНУ» СТАЛ «С БОДУНЦА»

Характер моей жизни и работы, мой способ существования — только в компании, в коллективе. А куда в общем деле без дисциплины? Ясно, что в ансамбле в первую очередь станут оценивать человека по его музыкальным, творческим данным, а дисциплина может трижды хромать. Но и несправедливо из-за пьянчуги уничтожить то, чем занимаешься не первый год! Правда, нести обязанности «борца за дисциплину» я на четверть века вперёд нарвался сам и... «с бодунца». Как-то по первому времени нашей самостоятельности пришёл на репетицию после вчерашнего. Не в первый раз, ясное дело. Мулявин такую расхлябанность в работе на дух не переносил и сразу навешал всем и лично мне: «Или квасить будем — или работать? Ты же обещал помогать!» Конечно, он был прав. И раз за плечами у всех армия, то и принципы оттуда — не военщина, а ответственность. В многолюдной «Лявонихе» достичь этого было нереально, а вот в ансамбле поменьше — вполне. Сначала были собрания по поводу выпивки, где Мулявин всех ставил на место, отрезвлял любого на раз. А мне Володя после того выговора добавил: «Ты будешь отвечать за дисциплину, запомни!»

До меня тогда всё дошло сразу, я с лёту включился ему в помощь по этой части. Правда, не понял, почему борьба за дисциплину досталась мне, одному из самых младших, двадцатичетырёхлетним на тот момент. К тому же не трезвеннику — ведь во главе всех проблем в мужском коллективе оставалась водка. Я никогда не спрашивал Володю об этом. Может, повлиял на его решение мой восьмилетний опыт армии, где дисциплина, хочешь не хочешь, насаждалась с перебором — ни щёлочка не оставляли. Хотя стать сержантом или ефрейтором, командовать кем-то меня никогда не тянуло, но и не слыл я нарушителем спокойствия. Моё — это проявить себя в творческом плане: ансамбль, любимая музыка. А может,

Мулявин вспомнил, что первым позвал меня делать свой коллектив: выходит, доверял. Так что поручение Володи оказалось совсем не игрой в начальников и подчинённых. Особенно когда мы стали достигать желаемых вершин, зарабатывать серьёзные деньги. Вот представьте: высыпаете гору купюр за три месяца работы на свою обнажённую жену... Ради подобных моментов стоило держать себя в руках! И разве не компенсировали они «шипение» Змея? А если бы после победы на московском конкурсе мы расслабились и «закидывались» с утра до ночи?.. Почти полувековой истории у имени «Песняры» точно не было бы.

До кулаков

На своё прозвище, Змей, я не обижался. А появилась кличка не от чрезмерного увлечения «зелёным змием» (чем почти все «песняры» отличались). Наоборот: это дань борьбе с водкой и другими недугами коллектива — издержками славы. Мулявин их предвидел и хотел уберечь людей от самовыгорания на этой почве, а ансамбль — от конфликтов. Я с ним был совершенно согласен, так что Володино мнение транслировал со всей убеждённостью в его правоте. (Кстати, никто не озвучивал какие-то неписанные правила — руководствовались исключительно здравым смыслом.) И с чем только не доводилось бороться! По мелочи — вечные опоздания. Помню, как Алик Волочинский, руководитель ансамбля ресторана «Каменный цветок», рекомендовал нам обязательно взять в состав Валеру Дайнеко, который на тот момент работал в Украине, но честно предупредил: будет опаздывать! Но ведь бывали и те, кто мог на репетицию просто не явиться. А кто-то кирил перед концертом... Вроде — местные очаги, но и они порой полыхали ого-го как! Однажды не поделили что-то Демешко с Борткевичем, и Шурик так размахнулся в порыве полемики на кулаках, что Лёня упал, а его голова встретилась с большим камнем. Вот это было страшно... Но обошлось, и за пределы ансамбля ничего не просочилось, пока в 1990-х все не начали вспоминать о своих похождениях! Разве что с наркотиками никого не ловил за руку, хотя предположения насчёт одного недолго поработавшего персонажа были.

КТО ПЕРВЫЙ «ЗАКЛЕИЛ»?

Ночную жизнь, всё немзыкальное закулисье «Песняров» в принципе Шурик Демешко описал точнее некуда: водка и бабы. Первую с поклонниками-друзьями употребляли, которых в каждом городе было предостаточно. После концертов и девчонки появлялись, из-за которых порой и до стычек словесных доходили. Особенно тут отличались вокалисты: «Хрена ли ты лезешь — я её первый

«заклеил!» — таким было содержание их «железных аргументов». Правда, диалог приводил к консенсусу: «Да ладно, возьми её себе!» Вообще, в «Песнях» считалось так: твоя ночь — и делай что хочешь. В конце концов, все живые люди, и порой себя сберечь — это значит выпить лишнего, с девушкой пообщаться. Только мера нужна во всём. И чтобы утром о подвигах никто не догадывался — никакого перегара на репетициях, а тем более на концертах! (Правда, сколько раз аранжировки писались с крепкого бодуна, а назавтра песню пели Дворцы спорта!)

«Вяловато» — на срыв связей

Хотя, конечно, бывали и сбои. Помню, как нам вlepили подряд два дня концертов в Московском театре эстрады: 31 декабря, что ещё более-менее, хотя все мысли о другом, и почему-то 1 января, что уже совсем по-зверски. Это были 1973–1974 годы... Как всегда, пришла сестра пианиста Игоря Жуховцева (который меня познакомил с Володи́ей Мулявиным) — она старалась не пропускать наши приезды. После второго выступления она подходит и говорит, выбирая слова: «Что-то сегодня вяловато...» Да что там: видно же — все после вчерашнего! Так и ответили: «Ты забыла, что Новый год все праздновали?» А «вяловато» — не то слово: я помню, как «Аве Мария» пели в тот день, после обильных возлияний, — на грани, чуть ли не на срыв связей...

Не наезжал огулом

Обязанности «змеиные» — сложные, часто неприятные, но решаемые. Пусть все были музыкантами достаточного класса и могли меня научить кое-чему. Но имеет ли моральное право блестящий артист, безусловный талант подставлять безответственным поведением вне сцены весь коллектив? И сегодня скажу: нет! Вот я и старался, чтобы и с обратной стороны медали всё было нормально: работают, ведут себя корректно, насколько возможно с учётом популярности коллектива. Теперь-то я точно знаю: делал это не зря — немзыкальная часть в «Песнях» зачастую «весила» не меньше музыкальной. При этом по дисциплине я никогда не наезжал огулом — только по конкретному случаю. Мои принципы были такими: держи баланс, не создавай «напряжёнку» и не отвлекай никого от работы! А если не справлялся или не доходило — подключался Володя, и его «инъекции» хватало надолго. Другое дело, что я Мулявина в «бытовуху» старался не втягивать: у него своих задач было полно. Да и зачем-то же он дал мне право на собственное усмотрение разбирать дисциплинарные просчёты внутри коллектива? Но я не сексотничал (армия от такого уберегла) — это точно говорю.

Не скажу, что моё вмешательство вызывало острые противоречия, ссоры. Скорее наоборот: за свою «змеиную» практику научился уходить от конфликтов. Во всяком случае, не встречать в них без надобности — стараешься быть комфортным для других. Ведь чем меньше скúла, тем больше компромиссов. (Но это с возрастом приходит, а в своё время, конечно, много лишнего наговоришь.) К тому же если назвали тебя Змеем, который, надеюсь, ассоциируется с мудростью, то соответствуй, обдумывай поступки и слова. А какая это мудрость, коль сам лезешь на рожон или того хуже — идёшь на принцип? Запомнят тебя как засранца, а двадцать лет в ансамбле быстро спишут со счетов.

«У-у-у, Змей проклятый...»

Но, конечно, на меня обижались, не без этого. «Ужаленные» коллеги порой бросали в спину выразительным шёпотом что-то вроде: «У-у-у, Змей проклятый...» Могли и подколоть, не жалея, прямо на сцене. Один такой случай описал Боря Бернштейн в своих любопытных рассказах. Ну, что сказать: за «змеиными» делами и вправду времени на подготовку не оставалось. А по молодости пару раз хватало за грудки: кому по душе выслушивать замечания, порой резкие? Особенно со старшими Валерой Мулявиным и Валерой Яшкиным случались периоды натянутых отношений. А вот Лёня Тышко и Шурик Демешко, мои ровесники, которые оставались в ансамбле долгие годы, всегда чувствовали меру и понимали мою роль, определённую Мулявиным. Впрочем, в первые годы всё сплавивала и сглаживала увлечённость общим делом. Сам я не стремился налаживать отношения после таких мелких, но принципиальных для коллектива столкновений. Предпочитал дожидаться момента, когда жизнь доказывала оппоненту, что я прав. Часто так и получалось. Ну а потом стал по возрасту после Володи самым старшим. И когда сменилось поколение, вполне мог «пошипеть», сделать замечания молоденьким пацанам, подкорректировать крепким словом линию поведения. Помню, как поджидал у гостиницы в Юрмале Витю Смольского, который лет в шестнадцать играл у нас в молодёжной студии. Утро раннее, все в автобусе, а пацан загулял. Начал праздновать с нашими ребятами, а потом куда-то исчез. Ну а поскольку Мулявин взял Витю, предполагаю, не без просьбы его отца, известного белорусского композитора Дмитрия Смольского (наверняка ещё и с формулировкой «вы там присмотрите за ним» — мол, чтобы летом не болтался на улице), то я и присматривал за ним уже по Володиному поручению. Так что когда Витя наконец объявился навеселе и в компании двух девушек, крепко опоздав на автобус, обложил я его жёстко. Тогда казалось — в самый раз, а на теперешний ум —

даже слишком. Ведь Виктор пришёл к нам тогда не столько на работу, сколько побыть на сцене, почувствовать суть работы музыканта, испытать ощущения от концерта. И для него авторитетом в коллективе был, конечно, не Мисевич, а Мулявин. С другой стороны, ждали его на нервах и ансамбль, и студия. Но когда при встречах он, теперь мировая звезда (упомяни группу Rage — уже хватает), суперавторитетный гитарист, по-прежнему протягивает мне руку и мы нормально общаемся, выдыхаю с облегчением: «Пока не послал...» К тому же Смольский во всех интервью вспоминает: начинал путь на сцене в «Песнярах».

«Пойди пошипипи»

Моральные, эмоциональные моменты — сфера тонкая, и влезать в неё нахрапом — чистое самодурство. Так что «Сгною!», как полковник Пенчук в курилке оркестра, я не кричал. В принципе большинство вопросов в «Песнярах» решались разговором — мы же постоянно общались, а не только «водкой и бабами» увлекались на гастролях. (Слава богу, что хватало ума говорить: скандалами раскачали бы собственную лодку — потеряли бы всё в считанные годы.) Если «прокол» мелкий, случайный, можно было обойтись и каким-нибудь ироническим замечанием или ухмылочкой. Порой достаточно было ответа на мой вопрос «почему?» в адрес виновника ситуации. Часто помогала способность убедить или настоять на своём — читай: общественно полезном. Ну а видя системную проблему в коллективе, уже сам Володя Мулявин говорил мне тихонько: «Пойди, Змей, пошипипи». Я тогда шёл и с чистой совестью «шипел». Уж лучше я, чем кто-то извне с кнутом за пазухой.

Но прежде всё-таки пытался здраво оценить ситуацию. Да и оказаться в глупом положении при моём «змеином» статусе — раз плюнуть. Помню, как Вова однажды попросил меня присмотреть за одним из наших артистов. Мол, в открытую катит на руководителя бочки после такой-то рюмки. Дело было на банкете по поводу присвоения Мулявину звания народного артиста БССР, а Тышко, Демешко, Мисевичу, Борткевичу, Кашепарову — заслуженного артиста БССР (Машеров только-только озвучил своё решение — ещё никаких бумаг), так что вероятность застать коллегу в той самой кондиции присутствовала. Правда, я попытался отшутиться: да ты, Володя, царь и бог для всех и каждого в ансамбле. Но Вова настоял: «Мне сказали люди, которым у меня нет основания не доверять. Так что присмотри...» Потом тема замялась, но, как оказалось, и сам «проблемный» артист уже собирался уходить из «Песняров».

Думаю, необходимость моей роли понимали. Например, я во многом сегодня оппонент Лёни Борткевича, но оценка «змеиного»

вопроса в его книге «“Песняры”» и Ольга» (да, я труд этот случайно прочёл) дана, хотелось бы думать, вполне объективная: «Владислав Мисевич — тоже один из тех, кто был с Мулявиным с самого начала, еще с “Лявонов”. Этот очень гибкий музыкант мог петь фальцетом, мог играть на любом инструменте. Он честный человек и нежадный. Но у него была очень сложная роль в ансамбле. Владимир Мулявин никогда не срывался, не “выговаривал” музыкантам... и все свои упреки и замечания доводил до сведения музыкантов через Мисевича. И так получилось, что Влад стал змеем — у него и прозвище было “Змей”... Хотя сам он прямой и незаурядный человек».

Спасибо, Лёня!

ДОСТАВАЛ ВОДКУ ИЗ БАЧКА В СОРТИРЕ

А уж в характеристике из дневника Игоря Паливоды и вовсе сплошь достоинства вижу. В межличностных отношениях копал он глубоко, мог в любой момент припечатать убойной формулировкой, несмотря на звания и внутреннюю иерархию «Песняров». Такое право ему безоговорочно давали огромная работа на благо коллектива и собственный талант (а талантливо у него было всё — и музыка, и рисунки, и стихи). И здесь всё верно — каждый должен делать то, что может: «МИСЕВИЧ В. Л. (Змей). Правая рука и правый глаз. Крепкий кулак, ревностно и самоотверженно защищающий организм от посягательств внешних и внутренних врагов — различных болезнетворных бактерий и бактерий». Наверное, всё так. Я только

«Игорь, кажется, нас узнали...» — с Игорем Паливодой между концертами с календарно-обрядовой программой

добавил бы в этот ряд, к руке и глазу, ещё и ухо. Чуть только уловишь своим неабсолютным музыкальным слухом, как за стенкой начинают кирять обладатели слуха абсолютного, влетаешь в номер к отдыхающим, а там — «знакомые всё лица»! И давай чихвостить, водку доставать из чемоданов, из-под кровати, даже из бачка в сортире... Выражался убедительно, чтобы напряжение до завтрашнего концерта не ослабевало. А как по-другому? Сидеть и наблюдать, как приводят себя в неудобоваримое состояние те, с кем завтра выходить на сцену, талантливейшие музыканты? Это не считая постоянных выпить-закусить мимоходом, что просто разъедало (и разъело в итоге) «Песняров». Для меня проще оторвать зад от дивана, не поспать ночь. Вот вам и «самоотверженная защита»: каждый день, каждый концерт ставил всё на карту. Пусть даже борьба моя за нормальную работу шла с переменным успехом. Паливоде тому же, кстати, здорово доставалось. И другим — за то, что сбивали Игорька. Потому отношения у нас с ним были контрастными — то клёвыми, то на ножах. Но негатив со временем сплыл. Зато до сих пор мурашки по спине, когда вспоминаю совсем маленьким сына Диму: он читал мне наизусть стихотворения Игоря из ансамблевой газеты «Ведомость» — трогало до слёз.

МОЖЕТ, КОГО И УБЕРЁГ...

Конечно, каждый новичок познавал правила на опыте собственных ошибок. Туговато приходилось тем, кто в армии не служил: там уж дисциплина, ответственность, какие-то внутренние рамки воспитываются — или нет. С каждым приходом молодых ребят Мулявин повторял мне: «Не испорти пацанов». И я шёл и говорил с ними, не в лоб, конечно, а скорее за сигареткой или рюмкой коньячка на правах старшего товарища. О чём говорил? О том, чем наша работа сложна и почему в ней могут «затоптать», о том, что многие вещи, особенно не касающиеся музыки, — на выживание, как говорится. Неправильный поступок, неправильный его анализ — вот и год жизни потрачен, другой. Не делаешь выводов, не продумываешь свои шаги — всё закручивается в клубок: ушёл оттуда, пришёл сюда, всё бросил... В таких метаниях и жизнь прожить можно. Прожить неправильно, раз уж ты добился какого-то положения, скажем, оказавшись в именитом ансамбле. А ещё, говорил я, иногда стоит объективно оценивать степень своего самолюбия и его границы. Короче, «змеиные» функции требовали и от себя самого постоянной внутренней работы. Между тем и «из головы» ничего не сочинял: самостоятельная жизнь с четырнадцатью лет не давала расслабляться, хватало ярких наглядных примеров из прошлого — что получается, когда неправильно себя ведёшь.

Тем более чужие «грабли» — лучшая антимодель для собственного поведения. Не знаю, может, кого и уберёт от ненужных соблазнов. И пусть Валера Дайнеко мне до сих пор говорит порой: «Забудь ты наконец свою армию!» Но с некоторыми, как теперь понимаю, стоило бы и пожестче: может, иначе сложилась бы их жизнь. Это я снова об Игоре Паливоде, а ещё о Вове Николаеве, о Чесике Поплавском... Страшно вспоминать, как идёт навстречу Чесик и «стреляет» рубль...

ОДНАЖДЫ СМОЛЧАЛ

Правда, это было поначалу. Вот Алик Катиков любит рассказывать историю 1992 года, когда он только пришёл в «Песняры», а мне до пенсии оставалось всего ничего. Тогда кое-что уже спускалось на тормозах, тем более в ансамбле творился полный кавардак — чего здоровье портить. Так вот, после концерта в Шклове ансамбль заночевал в могилёвской гостинице. И Алик, как водится, набрал выпивки и закуски для «вступительного» застолья. И тут, рассказывает он, влетает Мисевич, бросает на всех змеиный взгляд и... выходит, так ни на кого и не накричав. Ребята замерли с открытыми ртами, а Володя Беляев потом сказал: «Ну, это в первый раз, чтобы он не наорал, видя такое».

Кстати, в «Белорусских песнях» мы с Аликом подружились по-настоящему. Сошлись ещё в те несколько месяцев работы до моего первого ухода из «Песняров» в 1992-м, так что уже знали друг друга «в действии». А сейчас в Москве живём в одной съёмной квартире, и о притирках первого времени, о ругани вспоминаем с улыбкой: кто, мол, посуду лучше натирает, а у кого меньше моющего средства уходит. С Аликом у нас настоящая дружба, такая, какой она видится мне в семьдесят лет. Да и вообще, какой она и должна быть. Прежде, в «Песнях», пожалуй, в чём-то похожие отношения у меня были с Шуриком Демешко со скидкой на нашу молодость.

ДИЕТА НА «СУХАЧЕ»

Зло в «Песнях» наказывалось мгновенно: сполна доставалось и молодым, и опытным, и крутым. Причём «бить рублём» в нашем случае не получалось. Хоть весь оклад размером в стольник с небольшим отними — это капля в общем заработке. А от ставки за концерт «резать» — несправедливо: что бы ты ни сделал за кулисами, а концерт отработал. Но Володя Мулявин мог и на принцип пойти ради трезвости в коллективе (вот почему случившееся с ним позже для меня настолько удивительно!) Поначалу особенно доставалось его старшему брату Валере — нет-нет да любил он выпить. Но когда речь шла о мелочах, всё сводилось к шутке. К при-

меру, за несколько дней до трагедии в Ялте в июле 1973-го ансамбль колесил по Крыму. Тогда Валера по совету Лиды Кармальской сел на диету из сыра и сухого вина. Но как сел — это ему хотелось вина крымского, словно подростку какому-нибудь зелёному, который от мамы оторвался, вот он и использовал случай и душу отвести, и от брата по шее не отхватить. Короче, Валера, самый старший из нас по возрасту, с двумя детьми и женой где-то в далёкой Чите, купил не бутылку и не две, а целый ящик отличного местного «сухача» и огромный кусок сыра. С такой ношей на местном базаре его встретила Лида Кармальская. Но «худел» старший Мулявин тихонько — в своём номере и до поздней ночи. Причём сыр ему не пошёл вообще — почти нетронутый лежал на столе, когда я с Володей заглянул растолкать Валеру. А он глаза еле продрал и тарашится на нас. Тогда Вова и говорит ему с фирменной ухмылочкой в усы и взглядом исподлобья: «Слушай, а ты прямо заметно похудел, говорят, диета какая-то...»

Мулявин против Мулявина

Но был момент, когда Володя всерьёз выгонял Валеру, несмотря на авторитет, который за ним всегда признавал. Тот в Одессе пивка выпил в знаменитом «Гамбринусе», а оно там в жару такое вкусное!.. Тем более чешское! И не сдержался он как раз перед утренней репетицией. Единственное неубедительное оправдание: «Гамбринус» по вечерам не работал, и Валерке пришлось чуть ли не упрашивать открыть для него этот ресторанчик пораньше. Но ведь Володя и сам на моих глазах чуть не облизывался, проходя мимо, а не сорвался ведь. Конечно, не в первый раз такое случилось, и Вова разъярился на Валеру по полной программе. А спустя пару дней уже в другом городе история повторилась. В общем, после скандала Володя сказал, как отрезал: «Вали в свой Свердловск вместе с трубой!» Тут уже не только я полез в примирители — все до одного стали убеждать: надо дать шанс, а мы проследим. И если объективно судить, то Валеркины плюсы, его музыкальные способности с лихвой перевешивали провинность. С трудом, но уговорили оставить его в коллективе. И пусть это всё неприятно очень, а в данном случае вообще касалось родного брата Мулявина, но как иначе себя вести, коль ты впрягся в лидеры ансамбля? А ведь сколько было и в самом деле уволенных за пьянку (от музыкантов до рабочих). И уж если принимали кого-то назад, то как новичков, на испытательный срок. Об этом подходе знали, но выдерживали не все. Даже после двух лет Мулявин мог расстаться с человеком (речь не только о музыкантах — о всём штате ансамбля. Это были уже не те времена, когда к нам никто не шёл: наоборот, приезжали со всех концов Союза, можно было и не свистеть...

У НЕГО ЗАПОЙ, А МЫ ПАЛЬЧИКОМ ПОГРОЗИЛИ

Конечно, это просто говорить, что в вопросах дисциплины отношение ко всем было равное. А как же начальство? С Володей Мулявиным, скажем, мы не раз конфликтовали: от его проблемы с алкоголем, пусть ещё и не системной, никак было не отмахнуться. Промолчать, понятно, можно. Но тут же подорвёшь авторитет в глазах товарищей. Ты же за двадцать лет на всех «шипел» и душу вынимал за такое зло, вплоть до увольнений доходило, а тут — сдрейфил?.. Правда, поначалу Вова сам осознавал опасную грань, к которой приближался. В 1979-м он позвал меня, Шурика Демешко, Лёню Тышко к себе домой. Оказалось, что неделю Володя запойно пил. Это в голове не укладывалось. Но факт есть факт. Даже сестра родная, которая как раз приехал в Минск, неделю не могла его отыскать. И главное, когда это всё происходит? На носу десятилетие ансамбля, мы вовсю репетировали календарно-обрядовую программу. И в ту неделю без Вовы репетиции не останавливались: он предупреждал директора или администратора, чтобы его не ждали, и каждый исправно занимался своими партиями. Признаться, и мысли о запое не закралось — это был просто беспрецедентный случай, совершенно нехарактерное для него поведение!

О чём тогда Володя с нами поговорил? Мол, надо где-то лечиться, куда-то его определять. Сам сидит такой напряжённый, замученный — но трезвый. Собственно, так мы всем «консилиумом» и решили: Володя, ну ты же остановился, вот и не делай так больше. Помогли, называется, пальчиком погрозили и по плечу похлопали... Никто не понял, что это крик души был: вытаскивайте, помогайте. Единственное нам оправдание — наша беспредельная вера в Мулявина: «Это же Володя, он со всем справится!»

Опять случайность?

Ну а дальше медленно, но верно с выпивкой у Володи пошло всё наперекосяк. Сначала он сорвался прямо в автобусе, когда мы ехали выступать в Солигорск. Отменили концерт. Утром Володя извинился опять же в автобусе перед всеми. Пообещал, что такого больше не повторится. Все поверили — без вопросов, с кем не бывает. Тем более он сам решил принести извинения таким образом, как мужик поступил. Ну и вот же он — стоит как огурчик после вчерашнего. Значит, опять случайность. Но история повторялась и повторялась, а мы всё смотрим искоса и ничего не делаем. И снова в голове проскакивает: «Это же Мулявин!.. Он справится!» Хотя каждый из нас подозревал о причине этих срывов и запоев — каждому доводилось слышать от Светланы Первой (так мы называли вторую Володину жену Светку Слизскую после появления на горизонте Светланы

Пенкиной — соответственно Светланы Второй): «Ребята, да к чёрту вашу музыку — давайте выпьем...» И Вова за ней как-то незаметно подтягивался, а потом жизнь с очередной Светкой всё это затащила в какой-то жесточайший узел — не разорвать.

ВЫХВАТИЛ БУТЫЛКУ — И В ФОРТОЧКУ

Однажды, тоже переезжая в гастрольном автобусе (по-моему, из Бреста в Минск), Володя достал из-за пазухи презентованную ему бутылку дорогущего коньяка. Открыл и тянет прямо из горлышка. Вроде как и незаметно, но мы же не слепые. Раз достал, другой, а потом я не выдержал: подошёл, выхватил у него эту бутылку и вышвырнул в открытую форточку. Володя завёлся, началась перепалка, которую он закончил словами: «Мисевич — уволен!» Я затаился на заднем сиденье, стал обдумывать, как мне всё-таки досидеть до пенсии духовика (ждать оставалось не так уж и долго). Прикинул: может, обращусь в Министерство культуры БССР — ведь хрен кто меня возьмёт «добить» эти месяцы. Да и ребята как-то приуныли: снова Мулявин может на принцип пойти. Но спустя какое-то время он отозвался сам: «Влад, иди сюда!» Я бросаю: «Так я же уволен!» — «Ладно тебе, иди сюда». Тогда мы с ним, пожалуй, впервые поговорили о его проблеме. Как Змей с Песняром. Володя сказал, что я всё сделал правильно. Только уточнил: «Неужели так заметно?» И потом: «А что, разве все знают, что я пью?» «Не только знают — во сне это видят!» — пользуясь моментом кольнул я Володю побольнее. «Не гони!» — хмуро оборвал он это обсуждение. И дальше разговор повёл спокойнее. Ему хотелось, чтобы я понял, отчего он порой лезет в бутылку: «Мне же надо думать, что нам исполнять, писать песни, как жить дальше», — говорил Володя. Он признался, что даже завидует нам, артистам: выступили, выпили, закусили, а ему голову ломай над завтрашним днём: «Ночами не сплю, не поверишь!» В общем, он меня понял, и я доработал до пенсии. Но, задумываясь над долей руководителя в творческом коллективе, который существует два десятка лет, я всё равно эти алкогольные срывы ни понять, ни принять не мог. Особенно с позиции Змея. Так что держался изначального принципа: ночью хоть залейся (так я и делал), а утром — будь в форме.

«ГУСЛЯР» БЕЗ ГУСЛЯРА

Правда, бывали и курьёзные истории со стаканом. Мулявин в хорах «Гусляра» не участвовал: выходил на свою арию и удалялся за кулисы. Оттуда он ещё в коде пел для укрепления финального аккорда. И вот однажды перед очередным минским «гуслярским» концертом Володя пересёкся за кулисами с Виктором Вуяичем. Ну, сидят они,

говорят о чём-то, а мы — на сцену. Мулявин появляется из тени закулисы по расписанию. Князь, его оппонент, уже у микрофона, вовсю угрожает, ядом брызжет. Отхожу, а Володя бьёт по струнам. Бац! — не тот аккорд! Напряжённо ищет нужный, ещё пару раз промахивается, находит и... вступает мимо кассы. По остекленевшим его глазам понимаю: встреча с Вуяичем зря не прошла — набрались по полной, а в тёплой каморке Вову и развезло. Что делать? Вскакиваю, ору, что есть мочи, связки — на грани, а всё от страха: это ведь какой огромный кусок ещё петь предстоит! В общем, выношу приговор и хороню Гусляра досрочно — выгоняю опешившего Володю со сцены! (Причём сценарий-то я, выходит, и не нарушил!) Он на меня посмотрел затуманенным взором, понял, что не дают петь, и побрёл за кулисы. Короче, второе отделение в тот день прошло без Мулявина, а публика отнеслась с пониманием: приболел артист, бывает... Ну а у нас опять обошлось без оргвыводов: с кем не бывает... «Это же Володя!..»

Мулявин на мне, считай, крест поставил...

Известно, что иногда змеи кусают самих себя. Со Змеем такое случалось всего пару раз, зато по-крупному. В 1973-м «Песняры» прилетели на одно выступление в Минск после месяца гастролей на Дальнем Востоке и в Сибири — это был выход на всесоюзном конкурсе, том самом, который нас окончательно реабилитировал за случай в Волжском. И уже наутро предстояло уезжать в длительную «загранку», которая начиналась с Польши. События этих полутора суток в Минске спрессовались до факта: «имело место». Потому главное, чего хотелось, — отоспаться. Но как отказаться от стакана, когда дома за накрытым столом ждал тесть? А мы ведь попривозили полные чемоданы любимой мной рыбы, морских деликатесов! Стол от икры ломился! Тесть ещё ухи наварил: я во время гастролей послал ему целую кету. (В деревянном ящике да по морозцу рыбища дошла до Минска в идеальном состоянии, а потом её чуть разрезанную засунул в морозилку.) Конечно, мы с тестем и вдарили, а перед тем я ещё с пацанами в блиц-режиме отметил выступление на конкурсе!

Все будильники в доме предусмотрительно были поставлены на нужное время. Но я едва ли не впервые в жизни... проспал! Рабочий ансамбля Гриша Шнейдерман (он тогда не поехал с нами) тормозит меня, а я на него пялюсь огромными от ужаса глазами. Оказывается, ребята уже сели в поезд, а Мулявин на мне, считай, крест поставил: «Ясно уже, что он не придёт». Я, конечно, в трансе: Змей мало того что опоздал, так ещё и «загранку» вот-вот профукает! А от Министерства культуры БССР нас сопровождал Лёня

Боровский, парень строгий. В общем, я готовился к крупным неприятностям — в голове весь ужас своего положения прокрутил за пару минут.

ПОКАЯНИЕ ВО ВРЕМЯ СМЕНЫ ТЕЛЕЖЕК

Подскочил я с кровати, напялил на себя что первое попало, и мы рванули со Шнейдерманом на стоянку такси возле Комаровки. Гришка, здоровый спортивный парень, схватил мой упакованный заранее чемодан с тушёной колбасой, супами-концентратами, шмотками. Я несусь с саксофоном. А когда поменялись ношей, я не смог чемодан от земли оторвать! Разбудили первого попавшего таксиста, объяснили ситуацию. Прикинули, что уже в Барановичах догоним состав, но решили ехать до Бреста, где два часа стоянки на смену тележек, — чтобы наверняка. В общем, заплатил водителю за дорогу туда и обратно. Успели, конечно. Понурился, пошёл каяться перед Лёней Боровским и с тех пор... при встречах его благодарю: по возвращении он никому о моём «косяке» ничего не сказал.

НАСТОЕЧКИ ВИНОВАТЫ...

Я сам однажды чуть не сорвал гастролы «Песняров», причём случилось это в моём родном Оренбурге, в тот период, когда мы приезжали сюда раз в год. Директором Дворца культуры машзавода тогда работал друг Володи Мулявина Игорь Голиков (потом он возглавил местную филармонию), и, чтобы мы побольше работали, за нами присылали заводской спецрейс. Далеко не персональный самолёт, а всего лишь Як-40 — холодильник со скамейками вместо кресел. Из Оренбурга же нас должен был забрать чартерный рейс (тогда он назывался бронированным) куда-то в Казахстан. А погода посреди зимы — ужасная, нелётная. Чтобы нам вылететь в первый же просвет, Голиков подключил обком партии в лице всё того же второго секретаря Виктора Поляничко, который отвечал и за культуру. Дождаться рейса нас пригласили в местном доме отдыха на самой окраине Оренбурга.

Наконец долгожданный звонок: летим! Я предлагаю Володе Мулявину по дороге на аэродром заехать к моим родителям. Он соглашается, тем более мы с ним — на отдельной машине: как тут не успеть! Дома, конечно, радость, суматоха. Батя достал из погреба лучшие настойки (до сих пор вкус его смородиновой помню!). А Володя их оценил ещё во времена «орбитовских» гастролей. В общем, выскочили мы впритык и, ясное дело, опоздали. Нас ждали, держали самолёт на полосе, но за это время снова нашёл буран, и все застряли. Кто виноват? Стал доставать бутылки отцовской настоечки,

Прибытие спецрейса на Оренбургский машзавод. Фотографироваться с «Песнярами» собрался весь лётный состав аэродрома. 1981/1982 год

извиняться: ведь все уже настроились на отдых между перелётом и концертом в гостинице на месте, а вынуждены были «отдыхать» в зале ожидания надоевшего всем Оренбурга.

А ЗА «ПРОКОЛ» ОТВЕТИЛ!

Ребята спустили ситуацию на тормозах, только Володя ходил сердитым — не подходи! Понятно: чуть что — с него спрос! Но и я осознал свою вину. Он ведь мне не зря как-то сказал: «Ты вообще не имеешь права на ошибку, ты слово мне дал». В общем, ответить за «прокол» было нужно, иначе как потом требовать дисциплину с других? Поскольку на горизонте уже маячил месяц в Югославии, я вызвался разгружать и устанавливать аппаратуру на этот срок вместе с рабочими. Володю вариант устроил: и гуманно, и справедливо. Тем более в «Орбите-67» все мы грузили свой аппарат сами — дело знакомое. Вот только количество ящиков к 1976-му выросло в разы.

И КАЖДЫЙ ДЕНЬ — НОВАЯ ГОРА

Пока я натруживал спину и зарабатывал мозоли на плечах и на руках, Югославию, конечно, толком не посмотрел. Разве что ландшафт гористый запомнился: стоянка — под горой, а площадка — обязательно на горе. Так и таскал тяжеленные короба. И каждый день новый город, новая гора, новый зал и новый концерт, а значит, разгрузка-загрузка. Помню, как пыхтел с непривычки, но свой месяц выдержал. Хотя к концу этих гастролей, сдаётся мне, никто и не вспомнил бы, когда и на какой самолёт мы опоздали по моей вине...

Ну и общее впечатление сложилось: процветающая страна с достаточно высоким благосостоянием людей в городах — настоящая Европа без всяких скидок на социализм. Даже забастовки мы увидели впервые! И потому я не поверил бы, скажи мне кто-нибудь тогда, что через какой-то десяток лет тут начнётся гражданская война.

«МОМЭНТ!» И ВНЕБРАЧНЫЕ ДЕТИ

«Комфорта» добавлял водитель, который с лучезарной улыбкой (они там все писанные красавцы) вёл наш автобус по избитым серпантинам. Причём не раз казалось, что самое время попрощаться с жизнью: один неточный манёвр — и вылетим в пропасть. Чуть ли не каждый день он останавливался в небольших городках, даже в деревеньках, вытаскивал какие-то вещи из багажа и с возгласом «Момэнт!» исчезал на добрый час. Мы уже привыкли к привалам: покурим, погуляем, а там и шофёр появится — уже с новыми пакетами и сумками. И только спустя пару недель разобрались, за что страдали задницы советских артистов. Оказалось, этот проворный водила составил маршрут так, чтобы по дороге навестить всех своих любовниц и бывших жён, одарить их подарками и проведать каждого из наструганных ребятишек!

Угрозы, разговоры, влияние — ничего не действовало, а переводчик наш был непрофильным и более-менее уверенно переводил несколько расхожих фраз. Ну а все ответственные лица самоустранились ещё в начале турне, кстати кассового!..

НЕ ТЕРЯЛ ДОВЕРИЯ В ГЛАЗАХ МУЛЯВИНА

Чтобы решить назревший вопрос, Володя собирал, впитывал оценки коллектива — на репетициях или в разговорах с глазу на глаз. Рабочих ансамбля доставал вечными «ну как?». А что? Музыкальные ребята, они видели объективную картину, находясь между зрителями и артистами. Советы жён? Лида Кармальская, сама творческий человек, была рядом с Володей, когда он писал лучшие вещи. Кто знает, может, она и подсказала какие-то идеи, как помогла создать наш

облик белорусских парней в самом начале. (Повторюсь: вторую Вовину жену ансамбль не волновал, ну а про влияние третьей супруги не слышал только ленивый.) Но даже чувствуя свою правоту, Мулявин не лез на рожон перед начальством (тем более пример молдавского «Норока», показательно обвинённого в подражании западной музыке и разодранного в клочья, стоял перед глазами). Зато приняв все мнения к сведению, о созревшем решении Володя говорил взвешенно, без лишних эмоций. И это было, как правило, решение окончательное.

Но я и после этого, если чувствовал, что Вова ошибается, старался повлиять на него. И, думаю, не ошибусь, если заявлю, что он иногда ко мне прислушивался. (Хотя и «серым кардиналом» в «Песнях» никогда не был — не тот политический уровень, как говорится.) За четверть века нашего тесного общения, ещё с армии, я не терял доверия в его глазах, не шёл на обман, не подличал. Да и роль моя в ансамбле практически сразу оказалась своеобразной как раз по решению самого Володи: дисциплина. Я здесь нисколько не передёргиваю, не пытаюсь набить себе цену. Понимаю, что Мулявин и Мисевич — по всем параметрам фигуры несопоставимые, тем более в музыке. По этой теме Мулявину если уж к кому прислушиваться, то к аранжировщикам, кто повседневно ковырялся в музыкальных тонкостях. Тем более к консерваторским, когда таковые появились, — к Володе Ткаченко и Игорю Паливоде. В условном «малом худсовете» (по меткому определению из дневников Игорька) им досталась роль «ушей». Правда, на правах более опытных и, наверное, для уравнивания молодого задора в него входили Демешко, Тышко и я («ушей» на нас, очевидно, не хватило, так что Игорь наделил каждого другими функциями, пусть и не самыми музыкальными). Ясно, что мы не заседали и не вели протоколы, но Мулявин чаще советовался именно с этим кругом. И «хурал» никто не собирал — вопросы решались быстро. Да и ситуации по музыкальным вопросам до конфликтов не доходили, в отличие от тем «змеиных».

МОЯ ВИНА, МОЙ ПРОТЕЖЕ

Да, Змей — это милое дело, лишний раз приятно вспомнить. И всё-таки порой, даже чувствуя, что попасть под горячую руку — раз плюнуть, я шёл ва-банк по принципиальным вопросам. Скажем, я уже вспоминал, как привёл в коллектив Шурика Демешко и сразу же услышал от Вовы, что за него лично отвечаю. И по первому времени, ещё в «Лявонах», в пылу ссоры Володя сказал Шурику: «Вали на фиг и забирай барабаны!» (как и с братом, Мулявин и тут не забыл указать на инструмент!). Тогда и я собрался уходить: моя

вина, мой протеже. Правда, сначала попытался замять скандал, но Володя уже разгорячился. Так что вместо натуральных киносъёмок, мы с Шуриком собрали его инструменты и пошли себе полем. Вот только нам так хотелось оглянуться и посмотреть: а может, слишком быстро идём, а может, Вова с пацанами уже подхихикивают над нами. В общем, развернулись и почесали назад. И после спокойного разговора остались оба. (Кстати, когда мы пришли, Мулявин возился со своей гитарой и, казалось, забыл про нас.) Но уж если честно, то он тогда вспылел от раздражения по тому же поводу, что и Шурик. Нас вывезли снимать в чистое поле, и именно барабаны режиссёр горел желанием засунуть в какое-то одно ему ведомое место во ржи. И пока все, уставшие, кипели от нетерпения «на берегу», Демешко таскал свою родную установку туда-сюда среди колосьев. А это не флейту или гитару перенести. Наконец в один прекрасный момент Шурик в предельно ясной форме объявил постановщика бездарем и здорово послал его. Ну а я, как всегда, полез остужать конфликтующие стороны и сам попал под гнев Мулявина. А поставить на место, даже обломать он мог ещё как.

НАСТРОИЛ ВСЕХ ПРОТИВ ОДНОГО

Однажды Володя под влиянием Лиды Кармальской загорелся идеей принять на работу пианиста из Киева. Очередей к нам ещё не выстраивалось, да и музыкант был хороший. Нужно было только закрыть глаза на его моральные качества и нетрадиционную ориентацию. Те, кто знал о них, отговаривали Мулявина: не сработаемся! А он упёрся: мол, чутьё подсказывает, как поступить. Тогда, каюсь, настроил против соискателя весь коллектив. Мог я так делать или нет? Не знаю, но чуял (может, по армейскому опыту): на пользу «Песнярам» такой специфический кадр не подойдёт, станет разрушать коллектив, будь он хоть трижды виртуозом. И Володе пришлось согласиться с общим мнением. Правда, со мной он после такого саботажа два месяца не разговаривал, а когда вернулись к этой теме, в пылу спора метнул в меня нож. Спасла тогда хорошая реакция.

ВНОСИЛИ КОРРЕКТИВЫ

Вообще, с кадрами складывалось по-разному, как и в любом творческом коллективе. До московского конкурса желающие к нам не ломались. Несколько сильных музыкантов как раз могли бы оказаться очень полезными для уровня коллектива, но приходили пацаны, разбиравшие три ноты. Зато после победы интересовались вакансиями часто. Даже из Новосибирска приезжали прослушиваться в Минск! Но у Мулявина уже сложилось мнение, которого он долго

Молодые артисты на фоне афиш уже прославленных коллег в Московском театре эстрады. Слева направо: Чеслав-Виктор Поплавский, Александр Демешко, Владимир Мулявин, Владислав Мисевич, острый глаз Владимира Николаева выглядывает из-за плеча Анатолия Кашепарова, Валерий Яшкин, Леонид Тышко и Леонид Борткевич. Середина 1970-х. Фото: Юрий Иванов

держался: коль брать музыканта, то такого, чтобы внёс в инструментальную часть или в вокал новизну. Потому и делал кадровые решения поступательно и придирчиво — перед ним ведь никто не ставил задачу «закрыть» ставки любой ценой в кратчайшие сроки. Володя мог быть в ком-то очень заинтересован как в музыканте, но почему-то так и не принимал человека в коллектив. Скажем, на место пианиста претендовал какое-то время Юрий Гильдюк, сегодняшний худрук Белгосфилармонии. В искусстве не последний человек, выпускник Московской консерватории, талантливый, но не сложилось. Так что приход двух вокалистов — Лёни Борткевича и Толи Кашепарова, а затем блестящего пианиста Толи Гилевича, мультиинструменталиста Вовы Николаева и скрипача Чесика Поплавского — всё это корректировка развития «Песняров» и обдуман-

ные решения Мулявина. И, кстати, после их появления в ансамбле на какой-то период наступил кадровый «штиль». Значит, Володя сделал точный выбор.

Чем дальше мы уходили от зенита первой славы, новички всё чаще оказывались просто не готовы к работе в «песняровском» ритме. Тут хватало вариаций: один попал случайно, другому лишь бы кирнуть, а кого-то не интересовала фольклорная основа, хотелось играть только своё, причём со своим фэйсом на первом плане. И пусть речь всего о нескольких товарищах за все годы, но не воевать же за каждый такт? Страдали интересы ансамбля. Да и холодные глаза не спрячешь, когда работа кипит. О таких персонажах, на мой взгляд, и говорить нужно по принципу «были — не были» в ансамбле, а можно и вовсе не вспоминать. Но иной из них свою роль так преподает, что только диву даёшься: такой, мол, я талантище, а этот Мулявин непрозорливым оказался... Точно Змей поганный ему «нашипел» что-то против!

«Мультик» уловил момент

Кстати, кого в холодном взгляде никак не упрекнёшь, так это Володю Николаева! Наверное, особый случай за всю историю «Песняров», куда он смог попасть лишь потому, что доказал свою незаменимость. Сейчас бы сказали: сделал себя сам. Уникальность его в том, что Володя быстро осваивал все необходимые инструменты. Требовались клавиши — он дневал и ночевал у них, не отходил во время репетиций, всё что-то разучивал, столько примочек применял. Но электроорган был ему хотя бы знаком по ярославскому ансамблю «Новый электрон», где он работал с Аллой Пугачёвой. А началось всё с тромбона. Когда Николаев впервые замаячил на горизонте, мотаясь за нами по городам и весям, Мулявин сказал ему: «Нужен тромбонист!» Другой сразу бы прочёл посыл: «Отвали!» А этот пацан через несколько месяцев уже овладел инструментом вполне на уровне. Так Николашка уловил и использовал момент, когда нам потребовался ещё один духовик, — и он стал им, духовиком не будучи. Мулявин его принял со словами: «Просто не имею права не взять». Саксофон — тоже пожалуйста: и партия на чехословацкой записи «Завушниц» прозвучала не в моём, а в его исполнении — я играл на флейте. Ещё помню, как удивлялся, что Николаеву удалось за такой короткий срок освоить основы инструмента, игре на котором я года полтора учился: цели, конечно, были разными, но всё-таки...

Словом, музыкант, артист (были ведь и пантомимы — он окончил цирковое училище) безусловно способный, даже талантливый. А для «Песняров» такой «мультик», особенно по первому времени, — просто незаменимый человек. Мулявин постоянно говорил о Володе

Николаеве: «Чтобы вы все работали столько и так, как он!» Но вне ансамбля оказался Вовка человеком глубоко несчастным, инфантильным, наивным. И жизнь у него пошла совсем не по мажорному сценарию. Развод, неустроенность, своего угла так и не появилось, сплошные беды и проблемы... В один острый момент ему смогли помочь «Белорусские песняры», но как ты разрубишь узлы в чужой судьбе?

ШЛЯПА ЛОРДУ НЕ ПОМОГЛА

Было несколько ребят, которые проходили стажёрами, даже работали номер-два в концертах. Почему они так и не вошли в состав? Во всяком случае в финансовом плане наличие их фамилий в заработной ведомости дополнительных расходов точно не несло: зарабатывали «Песняры» для государства столько, что и хор с собой могли возить при надобности. Скорее Мулявин был в их отношении в чём-то не уверен. Сколько раз бывало: придёт чувак на прослушивание, как заведёт «Александрину»... Ну круто ведь! Но — не наш человек, это сразу ощущаешь. Скажем, когда после ухода Борткевича пришёл Пеня, Володя, наверное, не исключал появления ещё одного вокалиста. «Давайте попробуем!» — как-то сказал Вова, и на несколько месяцев, почти на полгода, в наши ряды попал Владимир Кудрин. Что он за это время спел — никак не вспомню, но парень одарённый. Тем более искренне интересовался, в какие-то нюансы вникал. А ещё ходил в шляпе, за что незамедлительно получил прозвище Лорд. Но работа «на длинные дистанции» не складывалась в человеческом плане. Да и подозревали его в злоупотреблениях совсем уж запретными плодами. В общем, расстались с Лордом от греха подальше. (Кстати, у него в дальнейшем получилась неплохая карьера в оркестре Финберга, а потом он эмигрировал в Австралию, где и умер.)

А в 1990—1991 годах у нас стажировался Александр Москальчук. Почему с ним не сложилось, я уже и не скажу — время было сомнительное, сумбурное. Зато мне запомнился клёвый дуэт Москальчука с Сашей Виславским. И ещё номер в программе Олега Молчана. Мулявин даже дал ему песню «Малаяды гады» в программе «Вянок», которая в окончательный вариант так и не вошла.

КТО НЕ БЫЛ ПОСКРОМНЕЕ — ПРЕССОВАЛ

С чем действительно было сложно бороться, так это с проявлениями «звёздной болезни». Пусть и не повальными, касавшимися личных моральных качеств отдельных артистов, в основном тех, кто помоложе (и это, наверное, самые острые углы разрыва поколений в «Песнярах» на то время). Да и Володя Мулявин своим примером таким вещам не давал ход: лучше поскромнее, чтобы никуда

не влипнуть, не оказаться в некрасивой ситуации. (Я его позиции держался и держусь: да и мне ли или кому-то другому из «Песняров» рядом, скажем, с Кобзоном изображать из себя звезду?) Да, со временем Мулявин понимал своё значение на эстрадном олимпе, но не строил на этом общение или работу. Будто мы всё те же пацаны из окружного ансамбля/оркестра. И если люди вписывались в такой «устав» — работали долго, ну а чуть начинали «звездить» — находился адекватный ответ внутри коллектива.

Помню, как по просьбе Мулявина дважды ставил на место зарвавшихся. Да какое там по просьбе — он сквозь зубы цедил: «Идите объясните доходчиво!» Значит, донельзя достали. Ну а коль змеиного «шипения» тебе мало, не дошло с первого раза, тогда получай взбучку. Так сначала с Колей Пучинским было — устроив «тёмную», хорошенько прессанул приборзевшего от первой же славы молодого вокалиста. На следующий день он уже не помнил о своих амбициях и ходил шёлковым. Недолго, конечно, но всё-таки. А лет пять спустя я повторял операцию с другим только пришедшим его коллегой. Правда, уже позвал в помощь Шурика Демешко — на случай, если «общественное порицание» встретит решительный отпор, который выдержать было под силу только мощному Шурику.

Один — «солист», другой со жвачкой

Ещё был такой музыкант: брал гитару (причём в ансамбле на ней толком и не играл — так, для вида на фото подержал) и шёл в фойе, ко входу в зал, «клеить» девушек. Во время своих первых концертов этот кадр всё пытался жвачку жевать. Мулявин только за голову хватался: «Ну, опять!..» Однажды Володя еле усидел на съёмках телепрограммы гениального, на мой взгляд, актёра Ролана Быкова. Причина — следующий диалог уже с другим нашим артистом: «Представьтесь, пожалуйста», — говорит Быков. «Борткевич Леонид». — «А кто вы?» — «Я солист ансамбля». Слово «солист» Мулявин не мог пропустить: «Какой солист, если у нас ансамбль? Вокалист — пожалуйста, исполняй свои вокальные партии...»

Как Борткевич плюнул на «школу Корбут»

Но проявления «солизма» нет-нет да возникали. Особенно после женитьбы Лёни на олимпийской чемпионке Ольге Корбут. Закончив космически успешную карьеру в большом спорте, она зачастую на репетиции «Песняров» — реализовывать творческую энергию. Помню случай, когда мы вдвоём с Мулявиным вошли в пустой зал Дворца спорта на репетицию да так и обмерли у дверей: Оля учила Лёню петь «Вераніку». Несколько раз они проходили финал: солист нарочито мягко, даже сексуально, снимал микрофон со стойки

перед последним распевом «Вераніка-а-а...», глазками и губками играл. Мы с Володей в глубине зала только посмеивались: ну кто этот «цирк» заметит в огромном дворце? Зато Борткевич получил от Мулявина замечание за самодеятельность. Но всё-таки во время концерта Оля оказалась в первом ряду, и Лёня решился опробовать задумку. Подходит солист к стойке, обхватывает микрофон и пытается его плавно, как научила Оля, вытянуть из держателя. Вот-вот пора запеть, а Лёня всё сражается со стойкой, где несмазанный микрофон застрял намертво. В итоге Борткевич плюнул на «школу Корбут» и затащил по старинке: «Вераніка-а-а...» И пел-то он, несмотря на всю суету, великолепно! Ну а идеи, собственные и Ольги, Лёня перенёс в свою дипломную постановку в ГИТИСе.

Где место «подпевалы»?

В «Песнях» никогда не возникал вопрос, как вылезти на сцене поближе к зрителю или к Мулявину — раз он фигура центральная, возле него и тебя заметят. Всё диктовала, как говорится, производственная необходимость. Когда я с Мулявиным пел в один микрофон, мы и работали парой в центре. А с появлением Борткевича и Кашепарова эту позицию отдали им. Да и к чему подпевале вроде меня торчать в центре — из-за стажа работы? Так что вполне логично сложилась схема: вокалисты и бэк-вокалисты на первой линии, инструменталисты — на второй. Правда, однажды певцы уговорили Мулявина: мол, инструменталисты у нас клёвые, а их никто не видит — давай поменяемся с музыкантами и всей первой линией уйдём на подставки-помосты. (Кстати, таких в Союзе не делали — вообще никаких для эстрады не было: наш любимый Минский авиазавод изготовил для нас эксклюзив по образцам цирковых станков, которые трансформировались и поднимались на нужную высоту.) Экспериментатор по своей натуре, Володя согласился. Правда на первом же концерте (это было на какой-то электростанции) публика не врубилась, почему солисты так далеко. Мулявин сразу же по окончании выступления вынес вердикт: «Полная х***ня!» — и все вернулись на свои места. Пресловутого обмена энергией с залом, как говорят сейчас, не случилось. А ведь уловить его раньше было ещё сложнее, чем теперь, — сказывалась зажатость общества. Концерты, скажем, были только сидячие: встающих зрителей сразу усаживали — хорошо, если на своё место, а не в «обезьянник», даже цветы вручить артисту было проблемой.

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ СЕРЬЁЗНОСТИ?

Может, в связи с этими особенностями я и сам за собой замечал, и от других не раз слышал: по жизни ты оптимист, весельчак, веч-

но шутки травишь да «лыбу давишь», а на сцене стоишь с твердокаменным лицом. С самого начала «песняровской» работы подобные заявления звучали. Помню, как-то за кулисы между концертами в Свердловске подошёл интеллигентного вида серьёзный мужчина и стал нахваливать ансамбль — не просто так, по делу, пробовал «разобрать» каждого. Дойдя до меня, сказал: «А вот глядя на вас, складывается ощущение, что вы почему-то скованны, как будто что-то не доделали, не додумали, авансом тут работаете. На сцене это видно, и от вас должны исходить совсем другие эмоции. Вы не могли бы чуть спрятать эти свои чувства? А в остальном — делайте, как и делали». Что, разве не справедливо? Замечания эти всегда воспринимал адекватно, считал, что они делаются из хороших побуждений. Но куда я от себя убегу? Как спрячу серьёзность, коль на ней строилась моя роль в коллективе, пускай в основном и за сценой? Когда театральный актёр выкладывается на все сто, в каждой роли себя выворачивая наизнанку, то это хреновый актёр. Так и хочется ему сказать: друг, смотри не переборщи, не спейся через три года... Ты мастер тогда, когда играешь потрясающую роль, но думаешь о чём угодно, кроме неё. О девушке красивой, например: выбрал её в потёмках зала и думаешь о приятном продолжении вечера — мало ли, вдруг всё сложится? Вот так у меня и не получалось.

Вместе с тем серьёзность была для меня вполне органичной. Сразу после армии пошёл переходный период к новой жизни, и в оркестре не за один год выработалась характерная для меня сдержанная линия поведения на сцене. В течение двадцати пяти лет буквально каждый выход на сцену (да и за кулисами, когда царил рабочая атмосфера) все мои мысли крутились вокруг одного: «А получится ли наше общее дело? А надолго ли всё это? А не заменит ли меня Володя в один прекрасный день на того, кто блещет музыкальными идеями, а не только чихвостит ансамбль за “пил — не пил”?» Кроме того, причин безудержно скоморошничать не давал сам репертуар, который мне постепенно «вменял» Володя Мулявин. Всё было со смыслом. «Расцвела сирень», «Вчера» — красивая, отчасти грустная лирика. Более поздние «Куда улетаются птицы?», «Уходят наши матери» и вовсе слезу выбивали. В общем, напускного в моей серьёзности уж точно не было. Удивляло же меня поначалу, пожалуй, только то, что по возрасту при этом я был не самым старшим среди «песняров», скорее наоборот (до прихода Борткевича и Кашепарова).

НЕ ЗА ДИКЦИЮ, КОНЕЧНО...

Для себя я давно отметил, что не только голос, но и поза, и выражение лица играют артисту либо в плюс, либо в минус. Даже доля

самоиронии. Всё замечается! (Плохому танцору сами знаете что мешает, вот об этом и думал постоянно.) Конечно, в советское время не удавалось всем угодить, во всяком случае лично у меня не получалось. Но некоторому расслаблению тут поспособствовала моя новая обязанность — вести программу. С нами какое-то время ездили ведущие, в основном женщины, потом от их услуг решили отказаться. Мол, сами с усами. А на роль конферансье выбрали почему-то меня, безусого. Странно, конечно, ведь ни неповторимым мулявинским сценическим и человеческим обаянием (один взгляд — и ты его: это касалось и зрителей, и самих «песняров», в частности меня), ни широкой гагаринской улыбкой я не блистал. И балагурством Шурика Демешко похвастаться не мог. Как и тонким юмором того же Володи Мулявина из разряда «редко, но метко», когда не понятно, пошутил ты или всерьёз говоришь. Правда, Вова им славился в условиях непубличных, рабочих или дружеских. Он ведь вообще не из разговорчивых — когда приходилось, например, давать интервью, я не замечал, насколько сложно это было для него. Да, звучали правильные мысли о нашем деле, но и слова он долго подбирал, и сбивался постоянно, и волновался, — в этом мы с ним, наверное, до определённой степени схожи. Зато на музыкальном языке как точно он формулировал свою мысль — сразу вся картина прояснялась (вот тут сходство и заканчивалось.)

В общем, новая обязанность досталась мне явно не за своеобразную дикцию. Помню, как беседовал с одной знакомой (приятельствовали мы со времён музыкального училища) перед концертом «Песняров», куда её пригласил. Потом она рассказывала, что схватилась за голову, когда поняла, что я же и буду вести программу: ведь она только что слышала, что половина произносимых мной звуков просто шамканье какое-то. И вдруг — очень даже ничего, в пределах допустимого для эстрадного артиста не разговорного жанра.

Вступление от Дудкевича и почти импровизация

Были ли у меня какие-то свои приёмы ведения программы? Скорее приходилось постоянно выкручиваться, чтобы давать какой-то качественный уровень. К примеру, одной из первых задач на фронте конферанса было представить залу суть программы календарно-обрядовых песен. А что я мог о них сказать? Правильно, абсолютно ничего, кроме названий номеров (и то по бумажке) и имён их исполнителей. А как раз в то время научную работу по народным танцам защищал Валентин Дудкевич (он ставил свой спектакль в Государственном ансамбле танца, где работает и по сей день, являясь его художественным руководителем). Я к Валику: «Напиши вступительный текст для программы!» И он его очень быстро сочи-

нил. После шлифанули всё с Мулявиным, я выучил это предисловие и произносил его перед каждым концертом.

А потом в каждом новом городе я стал пересказывать всё, что о нём знал и что успел увидеть из окна гастрольного автобуса. Как минимум, нахваливал центральную площадь и главную улицу. Даже блокнотик завёл для таких наблюдений. Всё-таки постепенно я пришёл к тому, что подобная речь — один из надёжных немзыкальных способов завоевать расположение публики ко всему ансамблю. Со временем этот «спич» перешёл в категорию внутреннего соревнования. В «Песнях» даже засекали время и спорили, сколько я буду «вещать» (и обязательно тыкали носом, если не дотянул до обещанного). По-моему, рекорд был в районе десяти минут, а семь-восемь — вообще без проблем. Правда, чистой импровизацией моя речь не была: обязательно старался проговорить её за кулисами.

«Пост» Пенкиной и Володино «быстро»

Что удавалось, а что нет в концерансе — не мне определять. Но сегодня я на роль ведущего не претендую. Куда мне до остроумных вещей в исполнении Алика Катикова или Олега Аверина! Но одна история показывает, что с ролью ведущего концертов, как минимум, справлялся. В один их последних моих выездов с «Песнями» в США я припозднился с подачей документов и прибыл через день после начала гастролей. Вела первые концерты жена Мулявина Светлана Пенкина. Но только я показался в зале, как он сразу же отправил меня: «Влад, давай на сцену быстро!» Оказывается, дипломированная актриса так разыгралась, так пронзительно, со слезой рассказывала представителям белорусской эмиграции о бедах чернобыльских детей в Беларуси, что Володе было как-то неудобно выходить на сцену. Ну а Володино «быстро!» стало для меня наивысшим признанием. Кстати, Пенкина сдала «пост» безропотно — видимо, был у них с Мулявиным разговор «за закрытыми дверями».

Дошло до литавров и самогонки

В принципе атмосфера сделалась посвободнее (уже по-настоящему), когда на отдельных номерах в программах «Во весь голос» или «Вянок» времён перестройки Володя Мулявин стал отходить за кулисы, а на авансцене всё больше появлялись Валера Дайнеко, Игорь Пеня. Это уже был шаг от многолетней зажатости. В результате чего? Да вот ситуация некоторой раскованности прорисовывалась. Ну а сейчас на сцене тем более повеселее будет, потому что мы вообще свободны во всех своих поступках. Но это совсем не означает,

что с уходом Мулявина коллектив его коллег, разделявших Володиных идеи долгие годы, вдруг захотел влёгкую «втереться» в доверие к публике. Да, для лёгкости добавили в свои выступления моменты разрядочки. Скажем, на том же концерте с оркестром меня попросили пройтись по залу и разлить самогонки — я без проблем. Потом ещё упал на одно колено, а в другом номере в литавры ударил. Вроде приколы, но органичные: не на военной же песне я всё это делал, а на шуточной «Горка!». И всё это без раздумий и сомнений. Разве что посоветуюсь прежде с кем-то из тех, чьему вкусу к сценическому действию абсолютно доверяю.

А кому-то лысина Мисевича — «подарок судьбы»

И даже вовремя снятую кожаную тубетейку до сих пор принимают хорошо. Это был прикол, не больше, а получилась неубиваемая интермедия. И как без неё теперь, раз уже фирменная шуточка появилась: вместо «рыжа-кучаравая» ребята поют «лыса-кучаравая» и снимают с меня восточный головной убор. Кто-то скажет: лысину Мисевича показать — большого ума не требуется, да и преданные зрители этот ход видели сто раз. Но, похоже, он всё-таки ещё вызывает улыбку, а для кого-то это «подарок судьбы», верх актёрской импровизации. С одной стороны, говорю это, конечно, с приличной долей самоиронии. А с другой — приятно, когда услышишь после концерта о себе, мол, так и надо, молодец, не стесняется! И если по приезде от организаторов или из зала от зрителей раздаётся: «А шапку снимать будете?» — тоже позитив. Короче, спасибо, что старый и лысый!

Да, мосты со зрителем наводить надо хотя бы потому, что он стал другим. Но в меру: пошутили — и будьте любезны! Основные силы и внимание всё равно отдаёшь качественному исполнению. И потом, пересматривая по телевидению или в интернете записи выступлений, сразу отмечаешь ошибки. Вот, например, неверно расположились на большой сцене — выглядим необъёмно, плоско. Я всегда вылавливаю удачные и неудачные планы на записях, особенно ругаю себя за неестественные позы, хотя постоянно обещаю сам себе включать или, наоборот, выключать самоконтроль. Ну, мог же посвободнее встать, улыбнуться, руками развести хотя бы в соответствии с текстом песни — не вульгарно сделать всё это, не развязно, а с лёгкостью и достойно. (Даже с учётом того, что и тогда, и теперь Мисевич, наверное, не самая важная фигура коллектива на сцене.) Правда, бывают случаи, когда стояние на месте выглядит куда уместнее, чем комичные попытки двигаться.

Главное — масштаб!

Вообще, шутки начинались чаще всего после концертов. Ну, правда, подшутить на сцене, к примеру, над Змеем — одно удовольствие: все (включая «пострадавшего») захлебнуться от хохота. А потом что, давай покаянные письма снова строчить, как после Волжского? Ведь граждан «на чеку», добровольно или в силу профессии, в зале всегда хватало. Но разрядка нужна была даже «правильным» советским артистам. И частоту приколов мы компенсировали масштабом. Вот, пожалуй, ярчайший пример. Самые высокие финансовые показатели у «Песняров» были при начальнике эстрады Белорусской филармонии Лёне Ореховском. У нас дворцы, возможность зарабатывать — у него вся минская эстрада «в шоколаде» за счёт успеха «Песняров». Для проформы однажды Лёня захотел приехать к нам на гастроли: убедиться, так сказать, воочию, как мы отрабатываем по столько концертов подряд и не спиваемся. Нет проблем, тем более у Лёни с Володей Мулявиным прекрасные отношения. Наметили город: Кострома. Добираться туда неудобно (поездами с пересадкой), но Лёню это не остановило. Миша Цыгалко, на то время наш директор, напугал руководство местной гостиницы «Турист» проверкой из Минска и выбил Ореховскому люкс. Оставалось только встретить достойно: лучше — удивить, а идеально — «убить» наповал.

Поначалу решили: коль приедет ночью, надо встречать погромче — с оркестром. Тем более отель наш на берегу Волги, окраина города, туристы гуляют — хоть всю ночь играй! Духовой кружок в местном клубе поделился «медью». Кто в армии служил — вспомнил, кто нет — выучил встречный марш, ещё пару маршей, вальс. Все, кто не играет, изображали общественность. Для официальной части (куда же без неё!) из буханки хлеба-кирпича вынули мякиш, замуровали туда бутылку водки и прикрыли коркой. «Конструкцию» в холле костромской гостиницы поставили на покрытый красным сукном стол, рядом только гранёный стакан и мисочка с солью. Пока все пыжились и делали вид напряжённой подготовки к приезду начальника, в Лёнин люкс зарядили двух девушек, проинструктировав насчёт их роли. Подбирали их, кстати, с полным пониманием — из общаги местного музыкального училища.

Раздеваться и «атаковать»

Когда всё утрясли (помню, Мулявин только наблюдал за суетой — терпел и ухмылялся в усы), отправили за гостем гонца на вокзал. В долгой дороге Лёня крепко выпил, и мечтал только о том, чтобы хорошенько отоспаться. Но как только на горочке показались две фигуры — трезвого и пьяного, — мы вдарили встречный марш. Видим,

что пьяный пытается протестовать, мол, куда ты меня ведёшь, но его направили к столу под кумачом в сопровождении то ли похоронного, то ли военного оркестра — одни духовые играют среди ночи. Вперёд выходит бригадир рабочих ансамбля, весёлый парень с козлапой походкой Гришка Шнейдерман как представитель от трудового коллектива. Насобачившись на разных официальных мероприятиях, он начинает приветственную речь дорогому Леониду Николаевичу. В финале приглашает Ореховского отведать хлеба-соли. Тут наш гость, отойдя от первого шока (лица-то все знакомые!), удивляется снова: на столе действительно только хлеб, соль и пустой стакан. А душа-то известно чего хочет: наполнить ёмкость поскорее! Лёня осторожно так шипает хлеб, как все орут: «Большой кусок бери!» Так и добирается до бутылки водки. Гость сразу просиял, выпил с нами! Мы даём туш и уже под вальсочек справляемся о поездке. Конечно, он начал жаловаться на кружные пути до Костромы — в ответ ему предлагается пройти отдохнуть в заказанный люкс. Шурик Демешко тем временем дал сигнал «жрицам любви» раздеваться и «атаковать» Лёню в номере без предупреждения. Но как только открылась дверь и он увидел обнажённых муз, то попятился назад с криком: «Куда!!» Кое-как ему удалось вытолкать девушек из номера и закрыться там самому. Матеря нас последними словами, начальник эстрады потребовал только водки и всё повторял о своём моряцком прошлом, семье и кристальной ей верности! В общем, чуть-чуть не довели прикол до конца. Ну а коль начальника нельзя было беспокоить, за студентками присмотрели инициаторы акции.

КАК ВСЕ «ДЁРГАЛИСЬ», А МУЛЯВИН «ПРЯТАЛ» ПЕНЮ

При первых вводах новых артистов мы волновались, как дети перед утренником, на котором им читать стихотворение, — ведь уходили те, кто смотрел «в одну сторону». В 1973-м, после трагедии с Валерой Мулявиным, просто не понимали, как выходить на сцену, не говоря уже о переживаниях Вовы. Помню, все дёргались на концерте, когда вместо Лёни Борткевича впервые вышел Игорь Пеня: как воспримет замену зритель? Хотя Борткевич и Пеня в нескольких концертах поучаствовали вместе и Лёня в течение месяца добросовестно передавал Игорю свой репертуар (причём не за счёт общего времени: Борткевич сам нашёл ноты, партии, указал на тонкости — цивилизованно, никаких проблем и ненужных эмоций). Но всё-таки встать на место Борткевича, суперзвезды «Песняров» и всего Советского Союза, да ещё с другим по характеру голосом — дело незавидное. И для коллектива — опасное. Володя Мулявин тогда говорил, что «сложно всё начинать сначала», и ходил темнее тучи. Хотел даже

сделать какие-то перестановки на сцене, чтобы «прикрыть» новичка в... первом ряду. Правда, к нашему удивлению, даже вопросов особых ни у кого не возникло: на сцене стоял профессионал и блестяще пел весь репертуар Лёни. К тому же со временем оказалось, что новичок этот — всерьёз и надолго. И голоса его прекрасного, тембра (идеально сохранённого Игорем, несмотря на свойство теноров «стираться» с годами) до сих пор хватает выше крыши. В пачке как раз за счёт Пени добавились лёгкость, звонкость, чёткость, яркость, прозрачность, которых не было прежде. Я сказал бы даже, что хор стал идеальным. Красота! К тому же в «Песнях» сложился новый дуэт: совершенно разные голоса, сипловатый у Валеры и яркой чистоты, кристальный у Игоря, но в сочетании они сливаются в уникальный звук, основу ансамблевого пения. Наверное, самый гармоничный дуэт в истории «Песняров» и основа аккорда в «Белорусских песнях»! И ещё один плюс: благодаря молодым, красивым, талантливым артистам восприятие «Песняров» изменилось, слушатель отчасти тоже стал другим — привлекли новых поклонников.

В принципе, когда нам удавалась замена (а это бывало не всегда), за спиной вырастали крылья! (Правда, со временем появилось ощущение: что ни сделай — прокатит, в чём была одна из стратегических ошибок...) И, кстати, только с возрастом я понял: энергетика артиста — не просто красивые слова. Что в «Белорусских песнях», что в «Песнях» она идёт от вокалистов: потому даже в самолёте при возможности отправляем бизнес-классом Дайнеко, Пеню, Аверина — у них работа «держат заль», а значит, более сложная...

СНОВА КАТАСТРОФА

В отличие от случая с Борткевичем и Пеней, к уходу Тышко уж точно никто не готовился даже морально. Всё произошло молниеносно: резко вспыхнувший конфликт — и вдруг увольнение. С точки зрения имиджа ансамбль без Лёни Тышко, как и без Бортика, терял известный «фэйс», тем более одного из тех самых усатых, которых и воспринимали как «песняров»... Короче, очередная катастрофа. Но и бас-гитариста успешно заменили. Никто не почувствовал сложностей благодаря профессионализму Бори Бернштейна, человека одарённого, прекрасного музыканта. Он ведь получил пачку нот, указание что-то написать «с колёс» — и сразу же с нами на концерт. Правда, встал вопрос с нижней партией в аккорде, и уже эта проблема решилась нескоро.

Тут я поспорю с ЛЁНЕЙ

Интересно, что только недавно я узнал из Лёниного интервью до обидного смешную причину его ухода и не совсем понял, зачем

Мулявин пошёл здесь с ним на принцип. Это, наверное, чуть ли не первый их явный конфликт за всё время совместной работы. Другой вопрос, что Тышко не нравился путь, который Володя избрал для развития «Песняров», и он периодически об этом в мягкой форме говорил. О том, что неплохо бы с кочевого образа жизни перейти на оседлый в Минске, выезжать пореже, вернуться к народным песням...

Тут я поспорю с Лёней. Во-первых, довольно точно представляю, как потирали бы руки и дали нам спокойной жизни в Минске постаревшие «доброжелатели» из Министерства культуры и парткомов! Во-вторых, Володя ведь в своё время решился на шаг в другую сторону, и вот ансамбль попробовал себя в крупных формах, вышел на программы, мы получили успешный опыт с Паливодой и Ткаченко. Ради чего, скажем, отказываться от консерваторских ребят и брать людей исключительно после музыкальной школы или училища? Да, у нас, у первых участников «Песняров», присутствовала некая целомудренность, искренность, мы действительно своими горящими глазами чем-то напоминали «битлов». Но, в конце концов, любой приход в «Песняры» всегда был связан с ожиданиями: как он поёт, играет, обрабатывает фольклор, аранжирует? Тем более у многих и собственное творческое лицо имелось, а не только роль одного из «песняров». Тогда всем было очевидно: человеку недостаточно просто выучить чужую партию. Мало того: молодняк из ничего мог сделать шикарную песню — как раз то, что так нужно ансамблю! А коль виден потенциал — раскрывай, что Мулявин и делал, ведь если таланту не дадут выразиться, высказаться, он уйдёт, а кто от этого потеряет? Сам коллектив. Так что талантливые ребята только скрепляли «Песняров». И без рвения новичков, без их музыкантской честности в профессии, я уверен, не появлялась бы свежая музыка. А мы кайфовали от этих перемен. Думаю, публика тоже. Будь они всего лишь теоретиками консерваторского разлива, не прижились бы в «Песнях».

Доколотся и «откосил»

Чьё-то отсутствие на сцене — всегда проблема, в том числе и творческая, и уже не всё из задуманного получается. Тем более тогда вокал или инструментал компьютерными подкладками не подменяли. Так что за первые лет двадцать «Песняры» дали считанные концерты в неполном составе. И кто после этого скажет, что внутренний устав в эстрадном коллективе это так, для галочки? При всех кайфах артистической жизни ответственность за работу в нашем деле — всё-таки не просто слова. Да и зачем раздолбайничать?

Используй шанс стать знаменитым и довольно богатым! Этих правил держался каждый «песнярь», новички схватывали тонкости на лету. Так что если ты на сцену не вышел, значит, что-то с тобой действительно приключилось.

Например, Лёня Тышко однажды в гостях колот орехи и перекусил сухожилие на руке. За ночь его партии на бас-гитаре снял Юра Денисов, а сам Лёня пел нижние партии за кулисами. Вроде случай разовый, а с тех пор внимательные фаны считают Денисова одним из бас-гитаристов «Песняров». Есть и те, кто божится, что Мулявин пел «Александрыну». Это было в 1971-м, когда в Полтаве полтора солиста, Володя и я, выкручивались без Лёни Борткевича. Публика тогда ещё не выучила всех в лицо, и вопросов вроде «А где тот, который “Александрына”?» не задавала. Зато мы сразу почувствовали, что значит «освобождённый» солист в ансамбле! Но могли и дальше укатить без Лёни, если бы он не умаслил в те дни родной минский военкомат, где «косил» от службы. А в олимпийской Москве 1980 года вылетело сразу два вокалиста — заболели Валера Дайнеко и Володя Мулявин. Решение по выступлению в «Октябрьском» принималось на уровне первого заместителя министра культуры СССР Василия Кухарского. Наверху опасались, что отсутствие «Песняров» породит волнения и, не дай бог, это заметят иностранцы! В итоге нас попросили выйти хотя бы на несколько песен. Причём Игорь Пеня и Толя Кашепаров взяли часть репертуара Мулявина и Дайнеко. Зато мы неожиданно помогли Валерию Леонтьеву: он отработал почти сольный концерт, один из первых в Москве, с «Песнярами» на «разогреве».

ЛЕПНИНА ВМЕСТО КИРПИЧА И «АРТИСТ» ЕЛЬЦИН

Однажды и я сам чуть не оказался в числе не дошедших на концерт. Мы тогда выступали в московском зале «Россия», к которому я бодренько шёл по Красной площади на вечерний концерт. Время уже поджигает, но народу, как и всегда там, много, вперёд не проскочить. Сквозь людей прямо передо мной продирались (тоже явно спешили) два мужика в костюмах с папочками под мышкой: один — здоровенный, а рядом с ним — маленький, наверняка сопровождает первого. Так мы втроём и лавировали: то между группами экскурсантов, то прижимаясь к зданиям. Как раз возле одного из них ровно посередке между этими двумя и мной падает приличный кусок лепнины — и разлетается в прах. Я успел отскочить, как и шедшие за мной, но будь реакция похуже, вполне мог зашибить меня этот архитектурный элемент. Как в анекдоте. Только для деятеля музыкального искусства, заслуженного артиста БССР судьба подготовила лепнину, а не классический кирпич.

Правда, здоровенный и маленький так и пошли дальше — даже не обернулись, ну и я после первой оторопи за ними ринулся через толпу. Двумя независимыми группами мы прорвались к проходу у Музея Ленина, сегодняшнего Исторического. Там началось что-то необычное. С заборчика спрыгивают женщины-экскурсоводы с рупорами (в которые они обычно всю агитируют обозреть красоты советской столицы) и кидаются к этим товарищам в костюмчиках. Большой остановился, ручки давай всем пожимать. Маленький в сторонке. Кто же этот здоровяк? Я не узнаю со спины. Но коль люди здороваются, радуются, значит, точно какой-то артист. Вот только кто? Так я и не разглядел в толпе и стал прорываться дальше. И только проходя мимо ГУМа, когда я свернул к «России», а мои «спутники» — к Спасской башне Кремля, мне стало ясно: это же Ельцин! Тогда, правда, он ещё не был в жёсткой оппозиции к Горбачёву, но лицо его уже мелькало на телеэкранах.

КРОВЬ И ТОМАТЫ

Однако случаев, чтобы все «Песняры» не вышли на сцену, — по пальцам перечесть. Хотя бы потому, что в своё время это могло обернуться кровопролитием. Таковое однажды едва не случилось в Куйбышеве: у организаторов уже заканчивались слова для увещевания разгорячённой толпы, которая два дня не могла попасть на «Песняров». А всё из-за аппаратуры, отставшей от нас. Интересно, что ансамбль в полном составе всё это время сидел в гостинице и на всякий случай не высывался оттуда. Сразу несколько концертов сами «Песняры» сорвали в Баку, где нас зарядили в Дворец Республики на серию по два выхода в день. Причина форс-мажора — высокий уровень химической промышленности Советского Союза. После одного из дневных концертов (дело было весной) мы вышли на рынок и удивились: повсюду на прилавках уже спелые помидоры. Шурик Демешко набрал этих краснящих томатов да местной зелени и сделал целый таз салата. Закуска была отличная, помидоры отменно вкусные, вот только назавтра буквально все слегли с дикой температурой. Оказалось, местные уже тогда для быстрого созревания не жалели ускорителей роста, о которых мы тогда ни слуху ни духу.

ГОЛОДНЫЙ ПОЕЗД

Ещё одна крупная неприятность на исходе моей работы в «Песнях» приключилась в 1992-м в Казахстане. Помню, что ехать туда мне совсем не хотелось: с увольнением вопрос решён, пенсия оформлена — казалось бы, сиди в Минске и считай дни до выхода на заслуженный отдых... С другой стороны, частыми концертами

в начале 1990-х нас уже не баловали, а тут чуть ли не двадцать сразу! Перед этим с нами вообще не рассчитались — Мулявин только руками разводил, и все искоса поглядывали на Пенкину (как потом выяснилось, не зря). В общем, подзаработать перед уходом на вольные хлеба хотелось, и я решился. Но пожалел уже в поезде, который вёз нас в Джамбул: водку все глушили стакан за стаканом и к приезду были в каком-то диком угаре. А с перрона нас прямо на банкет какой-то увезли...

К утру стало ясно: Мулявин так «отрепетировал» за эти трое суток, что выступить не сможет. Ну, думаю, надо воспользоваться случаем, найти благообразный повод отказаться выступить, получить неустойку от организаторов — и домой! Администратору Сергею Портянко рыскать в поисках поводов долго не пришлось: в первом же зале не хватало аппаратуры в комплекте. В общем, от имени Мулявина, который крепко спал, «Песняры» отказались выступать: нет условий. Организаторы тут же кинулись к Вове, но в его номер за «песняровской» стеной не пробиться. Тогда они отказались платить неустойку. Всё, на что смогли уломать казахов, — деньги на поезд до Москвы (до Минска моя тогда ещё будущая жена Ольга одолжила деньги у... Пенкиной, которая в этот «гранд-вояж» почему-то не поехала). Трое суток с опущенными рожамы мы тряслись в вагоне без еды и без копейки на неё: поначалу спасали остатки прихваченных из Минска сала и сухой колбасы, а потом — хлеб и вода (это счастье, что на московский перрон предусмотрительная Оля привезла пакет еды). Ну и водка бесконечная — её почему-то всегда хватало... И так меня всё это взбесило в какой-то момент, что я Мулявина даже за грудки схватил. Разошлись, конечно, миром, но вот с решением уйти я точно не ошибся. А почему кинулся на Володю? Дело-то было во время остановки в моём родном Оренбурге, тут бы родню пригласить хоть ненадолго, но — стыдно...

ПО ДВАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ЗА СМЕНУ

Большое кино об ансамбле задумали снять как-то вдруг. Наверняка идея там, откуда она была спущена, подразумевала и будущий огромный доход прокатчиков, когда толпы ломанутся посмотреть на «Песняров» в кинотеатры. (И насколько я помню, «Яся и Янину» — а разговор про этот фильм — действительно показывали чуть ли не вместо киножурнала, вроде как в довесок перед «настоящими фильмами».) Может, поэтому сначала всё и закрутилось в ускоренном темпе. К примеру, быстро определился постановщик — Юрий Цветков, который только-только перешёл из операторов в режиссёры. Ансамблю тут же перестроили гастроли, проще говоря — отменили их. Нам дали высшую категорию артистов —

двадцать рублей за съёмочную смену (а их могло быть и две за день), так что выходило вполне сопоставимо с концертными деньгами. Да и в принципе средств на картину выделили сразу и много, а не в обрез, как обычно бывало, по рассказам знакомых киношников.

СТРОЙОТрядом «ПЕСНЯРОВ» СДЕЛАЛ Я

Но оптимизм по этому поводу поугас, когда мы в первый раз встретились с Цветковым. Он так и сказал: «Деньги спущены, надо осваивать. Но самое страшное, ребята, что у меня нет сценария! Вернее, он, конечно, есть, но снимать по нему невозможно. Надо что-то добавлять». (Автором его был Иван Науменко — впоследствии народный писатель Беларуси, большая «шишка» в культурной сфере республики.) Вот тогда-то нам и стало ясно, почему бюрократия и волокита в советском кино — это благо. Обычно, пока шёл процесс «пробивания» средств, шлифовались и видение фильма, и его сюжет. Тут выходило всё наоборот: не разобрались, о чём снимать, — а уже кричи «мотор!». Так что с Юрой мы договорились: каждый предложит какие-то идеи для эпизодов. Не знаю, как другие, но я его пересказ сюжета кратенько записал. А дальше пошёл творческий азарт, стал придумывать мизансцены. Что в «Ясе и Янине» моё? Я прикинул: если затрагиваем тему фольклора (а её, конечно, не обойти), снимать будем в деревне. Ну а кто тогда ездил в деревню такими толпами? Стройотряды. Все согласились на такую роль. Есть ли тут повод для гордости? Это вряд ли. А детали договорились додумывать по ходу. Кто ещё сочинял? Запомнилось, что Лёня Тышко много предлагал вариантов. Да и как иначе — у него же талант литературный!

КТО ВЫТЯНУЛ ФИЛЬМ?

Правда, толкового сценарного скелета и к концу работы не появилось. Много, те же более-менее яркие образы, вытягивали отличные артисты, которые снимались с нами. Скажем, потрясающему Пану Спортсмену — Юрию Волынцеву, который на съёмках этих скорее отдыхал, во всяком случае на госпремию точно не шёл, от недостатка идей пришлось петь оперную арию. (Кстати, его дочка, известная московская радиоведущая Ксения Стриж, говорила нам, что Волынец всю жизнь добрым словом вспоминал эту картину и нас.) А какой прекрасный мужик Павел Кормунин, и роль у него характерная! Снималась и Любовь Румянцева, которая уже прославилась на весь Союз в «Альпийской балладе» по Василию Быкову. Главной московской звездой ожидался сын Вячеслава Тихонова — Владимир. Помню, как он не мог моторную лодку запустить: дёргал, дёргал тросс — ничего не выходило. В итоге Шурик Демешко за него всё сделал,

настроил и дал в руку Тихонову рукоятку. Вообще, для себя сразу заметили: немного странный парень (не знали тогда о его проблемах с наркотиками). Вроде красавец, фильмов известных с ним хватало, а тут играет роль любовника и какой-то... деревянный, что ли. Это общее впечатление «песняров» и в фильме, на мой взгляд, заметно.

И ВСЁ-ТАКИ — ДЕРЕВЯННЫЕ...

Собственно, мы и сами выглядим на экране не особо ценными породами дерева с точки зрения артистизма. Да, перед кинокамерой мы уже не чувствовали себя чужими, опыта на телевидении хватало: сколько «Песняры» снимали — хватило бы на несколько ансамблей. Некоторые клёвые актёры поменьше сыграли, зато покачественнее. И у нас в «Ясе и Янине» не то чтобы наигранность выпирает — скорее, неестественность. Не помогли ни режиссёр, ни помреж, который служил в армии вместе с Мулявиным. У них был один ответ на наши сомнения: «Всё будет нормально». Зато когда Юра Цветков стал известным в республике режиссёром, а потом даже замминистра культуры Беларуси, он часто (и, как мне кажется, с чуть ли не наслаждением) посыпал голову пеплом за свои собственные фильмы: «Да ну, старик, разве это кино?» А проблема у него была известная. И когда он очередной раз при мне ругал свои картины, я отвечал на примере «Яся и Янины»: «Откуда хорошему фильму появиться, если ты после обеда всегда был под градусом?» Правда, для нас в принципе было новостью, что кино рождается крепко пьющими людьми.

«А ну-ка, изобразите — вы же умеете»

Это только один пример, но в принципе нашу неорганичность на экране объяснить легко: с нами из фильма в фильм никто не работал. «А ну-ка, изобразите — вы же умеете» — вот и вся школа. Всё это, конечно, теперь стало ясно, а тогда сравнивать было не с чем. Да, опыт набирался с каждым съёмками, но всё проанализировать, выстроить какую-то технику поведения, сделать выводы было некогда. Так что итоги — закономерные. Например, Витя Туров, прекрасный человек, замечательный режиссёр, как говорится, ничего не надо доказывать, а в сказке «Горя бояться — счастья не видать» делал наши сцены чуть ли не на бегу. Поэтому главное впечатление от этого фильма — роскошь общения с Туровым, а ещё с композитором Олегом Янченко, который вообще стал нам другом (хотя и раньше были не шапочно знакомы). Давно нас знал Вова Орлов, самый первый фильм снимал с участием ансамбля, но в его «А также цирк» как будто и не повзрослели «Песняры» за пятнадцать лет между картинами. А мы, особенно после «Песні пра Долю», если и не прыгнули выше головы, так уж точно стремились избавиться

от скоморошских шапок, и от этого работа только выиграла. Абсолютно верное, как показало время, желание Мулявина тонко и точно почувствовала Валя Гаева, когда ставила спектакль под оперу и не потребовала больше, чем мы умеем.

Снялись вместо Пугачёвой

Кстати, Александр Стефанович в своём фильме «Диск» по тому же пути пошёл. Он хотел какого-то минимального актёрства от нас: мол, хватит и того, чтобы в камеру не таращились испуганно. Собственно, там и выбора особого не оставалось: Саша хотел снимать в процессе записи пластинки свою жену Аллу Пугачёву, но деньги выделяли под нас — «Песняры» как раз готовились к записи с Виктором Бабушкиным на «Мосфильме». И хотя картина в планах стояла, всё делалось на скорую руку: скажем, для наших концертных кадров договаривались прямо во время съёмок с каким-то клубом в Подмосковье. Получилась если не документальная работа, то «под документальность». Может, поэтому фильм частенько показывали по телевизору в советское время? Тогда такое любили. Ну и цвет был отличный по тем годам!

Кстати, есть в «Диске» и явный художественный вымысел — «бисы» на песне «Будочник». Песня у Мулявина вышла неплохая, для середины концерта, с умными стихами Серёжи Крылова, но оваций, как на экране, не срывала. А Стефанович хотел, чтобы прозвучало что-нибудь новенькое. Вот и приписали сумасшедший восторг зала «Будочнику».

«Грязь и свинина». И пострадавший тромбон

В общем, что сами могли и что успели схватить от профессиональных актёров прямо на площадке «Яся и Янины» — то и оказалось нашим. А чтобы спросить у того же Пана Спортсмена про какие-то секреты мастерства... Так ведь не знаешь даже, как сформулировать, что именно у тебя не получается! А ведь у многих были те или иные качества, которые при определённой огранке могли ярко сработать перед камерой, значит, можно было что-то доиграть. Взять, например, весельчака Шурика. Кстати, именно он придумал «кодовое» название для фильма: «Грязь и свинина». Мол, он свинья, а мы все вокруг него грязь. А что мешало обаяние Володи Мулявина использовать? Улыбнулся — и сразу сцена заиграла.

Вот и всё актёрство. Да и закадровые хохмы, думаю, легко было обыграть. Есть в «Ясе и Янине» сцена, где Кашепаров сидит в открытом уазике сватов за рулём рядом с Мулявиным. Остальных на заднее сиденье впахнули. Прямо над Толей — Николашка с тромбонном, как всегда на последние деньги купленным. Едут, едут и вдруг

Толя как тормознул неожиданно. Тромбон, конечно, всмятку. Диалог пострадавшего и водителя был короткий, но яркий: «Не умеешь водить — за руль не садись, долбо***!» — «Да иди ты на ***...»

Такое вот соотношение улыбочек на экране и в реальной жизни. Ну а тромбон выпрямляли потом всем коллективом.

От скуки сняли теплоход

Особенно воодушевляло на съёмках то, что ты ничего не делаешь, а тебе за это ещё и платят нормальные деньги. Хотя на три смены были согласны при таком режиме! Так что без вопросов отправлялись что в Вертелишки под Гродно, что в Гомель — уже на другой конец республики. Почему такой разброс? Где-то колхоз выглядел благообразно, где-то автопарк привлекал, где-то канал и байдарки можно было снять. Мне запомнилось, как в один из первых по-настоящему весенних деньков в Гомеле (на реке Сож уже сошёл лёд) у нас с Шуриком Демешко выдался приличный перерыв в съёмках — считай, целый выходной. Делать было совсем нечего. Пока гуляли по парку, увидели теплоход на Соже. Поднимаемся на борт: «Работает?» Нам отвечают: «Народа нет». — «Так поехали, мы народ». — «Ну, из-за двоих мы не поедём». Спрашиваем, а сколько надо, чтобы запустить механизм и открыть буфет. Оказалось — двадцать пять рублей до моста железнодорожного и назад, ну и если уж поплывём, то и буфет откроется. Мы с Шуриком скинулись пополам — для нас это были копейки, меньше смены. К отплытию явилась и буфетчица. Накатили, взяли ещё и вышли на палубу. А там такой холодный ветер дал нам по рожам, что побежали за добавкой — и от раздачи уже не отходили. (Правда, решили не напиваться, а то, не дай бог, в съёмочную группу вольёмся.) Ну а маршрут — как оговорено: до железнодорожного моста и назад. Одно радовало: медленно плыли, с полчаса.

Музыкой латали «швы»

Что касается музыки к фильму, то Мулявин не мог с одним и тем же выходить к слушателю. А народ хотел слышать, конечно, только «Касіў Ясь канюшыну», да и к названию ведь как подходит. Это уже спущенный «глас» неведомого нам начальника от кино — тоже, видно, был поклонником ансамбля! В общем, для картины Володя переделал аранжировку. Да так, что от первой ко второй — гигантский шаг, как два разных ансамбля слушаешь. Вышло сложнее, по меркам рядового слушателя из Дворца спорта. Свою партию Мулявин, например, изменил так, чтобы ему было интересно в тысячный раз петь всё тот же текст, и Шуре теперь было где развернуться. А какая, казалось бы, благодатная фольклорная

тема, вокруг которой и построено «перевоспитание» коллектива в фильме. Ну правда, куда уж тут с «Ясем», если так смотреть! Но та же «Церніца» в сцене сватанья — просто хорошая песня, без изысков в аранжировке и без претензий на популярность. Собственно, и песни Володи на слова Лёни Тышко — тоже типичный кинематографический саундтрек: с учётом проблем со сценарными находками, они латали «швы», заполняли паузы, натягивали метраж. Или «Жили-были» Эдика Ханка: аранжировка — ничего, а сама песня — ни про что.

ХАНОК ПОТОМ НЕ РАЗ БЛАГОДАРИЛ МУЛЯВИНА

Кстати, об Эдике. Володя, а за ним и все мы рассчитывали в «Ясе и Янине» отработать налегке. Основной аргумент — наше место не на съёмочной площадке и не на экране кинотеатра, а на сцене (теперь ясно, что Мулявин уже прокручивал в голове подходы к крупной форме и на песенки не хотел размениваться). Потому для «наполнения» фильма Вова пригласил ещё и Ханка, песни разделили пополам. (С Эдиком мы познакомились в «Лявонихе»: тогда ещё начинающий композитор, ученик Дмитрия Кабалевского, был, по-моему, хударком в Криворожском дворце культуры в Украине, а мы приехали туда с гастрольями.) К съёмкам «Яся и Янины» у Эдика уже появились известные вещи (Хиль спел «Зиму» — считай, открыл нового автора), он состоял в Союзе композиторов, но чтобы развиваться, хотел вернуться из украинской провинции в Беларусь. И фильм в этом отношении сыграл положительную роль — Ханок потом не раз благодарил Мулявина.

Ну а в плане творческого результата на примере песен Эдика очередной раз убедились: появление шлягера — загадка. Помню, как мы рассчитывали на «Ты моя надежда» Ханка: ну шлягер ведь, без вопросов, несколько раз мотив в фильме звучал! А вещь эта так и не «выстрелила», почему — до сих пор не понимаю. А с нашей версией «Я не могу иначе»? Александра Пахмутова хотела, чтобы её песню исполнили хором, а Володе хоры тогда как раз приелись. В общем, только отданная Валентине Толкуновой песня «заиграла». «До третьих петухов»? Людям понравилась, но далеко не шлягер. В «Печёную картошку» мы и сами не верили. «Как убивали любовь» — считай, что убили! Да и вообще, с прогнозами в «Песнях», видимо, было слабовато. Мы в своё время были готовы биться об заклад, что станет популярной в нашем исполнении и без того известная на весь Союз «Бывайце здаровы!». Тем более Володя переаранжировал её специально под финал концерта в «песняровском» духе. Или его же версия «Лады». Ничего подобного! Мулявин поначалу пытался как-то объяснить такие неудачи, а потом бросил: не получается — в корзину.